

Строчки из блокнота

К сборнику стихов и рассказов Евгении Бутовой
«Озябшие цветы» (Новобурейский, 2009)

На ветке высокого старого тополя на стылом октябрьском ветру одиноко трепыхался пожухлый листок. Маленькая девочка задержала за руку прогуливающуюся с нею женщину:

— Давай постоим, подождем.

— Зачем? — удивилась женщина.

Девочка ничего не ответила. Она молча смотрела на тополь, который все никак не мог расстаться с единственным листком. Наконец порыв ветра сорвал тополиный лист и унес в березовый подлесок. Девочка проводила его взглядом.

— Мама, запиши стихи.

И тут же надиктовала в блокнот, всегда готовый для таких случаев:

Лист дрожит, боясь сорваться,

Ветер дергает его.

«Я могу ведь потеряться,

Не найдет меня никто».

Но, смирившись с горькой долей,

По тропинкам, по кустам

Улетает дальше в поле

Поглядеть: а что же там?

Случилась эта история почти десять лет назад. Девочке было одиннадцать лет. В мамином блокноте уже накопилось порядком сочиненных подобным образом стихотворений. Коротенькие, как дыхание ребенка, к сожалению, они теряли в строчках легкую картавинку негромкого голосочка.

В том же году девочка приехала в Благовещенск на областной семинар школьников, занимающихся литературным творчеством. Там-то мы с нею и познакомились — пятиклассницей Женей Бутовой из села Михайловка Михайловского же района. Приехала не

одна, а с мамой, Раисой Николаевной. Духовная близость матери и дочки лучилась ощутимым теплом. Читая привезенную ими рукопись, в который раз подумал: все мы рождаемся поэтами, да не все ими становимся. Не у каждого есть такая мама, тонко чувствующая сокровенные мысли и переживания своего ребенка. Наверное, это и есть счастье.

Удивительная мудрость ранних строк магнитом притягивала перелистать новые странички блокнота. Вот стихотворение «Вечер», к примеру.

Тина озеро покрыла.
Солнце скрылось за горой.
Стало всё не так, как было.
Пахнет ивою сырой.

Пахнет высохшей травой.
Облака струятся вдаль,
И, собравшись всей гурьбою,
Превращаются в хрусталь.

Вечереет всё быстрее,
И тускнеет яркий свет.
Всё равно же, чем темнее,
Тем скорей придет рассвет.

Лирическая миниатюра, где есть и названные по имени детали пейзажа, что само по себе для начинающего поэта уже есть несомненное достоинство, так бы и осталась в акварельных тонах, если бы не финальные две строки. Что это, подражание любимым Фету, Тютчеву, Бунину или собственное наблюдение?

Сложные обстоятельства жизни, которые подстерегли Женю на рубеже перехода из детства в подростковый возраст, заставили не по годам быстро взрослеть. Когда ее сверстники и более старшие стихотворцы только-только постигали азы борьбы с общими фразами, банальными «красивостями», Бутова пишет программное стихотворение, вряд ли даже называя его таковым для самой себя, но лично мне оно видится именно творческой установкой, поставленной к тому же на прочную основу реальной жизни, где конкретная деталь значит гораздо больше, чем искусственная метафора. Это стихотворение

«Слова», в котором автор описывает скромную обстановку деревенской избы, в которой живет ее бабушка. Опрятность и духовное богатство хозяйки рисуют слова, ставшие одно за другим в синонимический ряд: книги, будильник, картина, утюг, табуретка, ваза с цветами, большая салфетка, чистая банка, стул, кастрюля. Так и видится сама хозяйка — скромная и аккуратная, работающая сельская учительница, которой долгие годы и была бабушка Жени. Венчают стихотворение еще две много говорящие детали: «А маленький скромненький желтый буфет/ Хранит в себе много вкусных конфет». Надо только знать, что девочке эти самые «вкусные конфеты» строго-настрого противопоказаны врачами.

Член Союза писателей России
поэтесса Евгения Бутова. 2009 г.

Сдержанное терпеливое достоинство ребенка уже выдает будущую сильную духом девушку и, Бог даст, счастливую женщину. Это вызывало восхищение и уважение у читателей первых стихов Жени.

Вот почему по просьбе директора Михайловской школы Виктора Александровича Каюмова с большим внутренним удовлетворением я принялся за издание первой книжки Евгении Бутовой. Никакой суровой редакции не потребовалось, зато были часы бесед о творчестве, о любимых поэтах, об удачных строчках и причинных тайнах их появления. Назвали книгу по имени одного из стихотворений «Неизвестная птица». Полиграфисты ПКИ «Зея» с любовью оформили прекрасную цветную обложку, под которой поместилось три десятка поэтических сочинений, несколько рисунков автора и фотографий из ее альбома.

Судьбе было угодно распорядиться так, что во время посещения Благовещенска в 2000 году президентом России В. Путиным я имел возможность подарить ему наряду с альманахом «Приамурье», собственным сборником стихотворений «Прикосновение» и книжку двенадцатилетней Жени.

Работы зрелых мастеров слова и подающей большие надежды маленькой поэтессы как бы окольцовывали круг амурской литературной нивы, сулили надежду на продолжение и развитие традиций отечественной словесности применительно к условиям культурной среды Дальнего Востока.

Мощный стимул буквально подхлестнул и саму Женю, и маму, и школьных наставников. Буквально через год вышла в свет вторая книжка — «Черемуха». В ней есть все приметы быстрого творческого роста, подобного тяге подсолнуха, попавшего на благодатную почву человеческого внимания и любовного «полива». Юная поэтесса уверенно вплетает свой негромкий, но ощутимо характерный голос в небесное звучание хора, имя которому «Русская литература». Зажигаясь эпиграфом из Фета — «...И саней далеких / Одинокий бег», поэтесса перекликается со своим великим предшественником:

Смотрю я на чистое поле,
На месяц в глубоком снегу,
На наше степное раздолье
И счастья сдержать не могу.

Так в душу проникли глубоко
Бег санок, бубенчика звон,
Что слышится где-то далёко,
И кажется — вечным был он.

Затем как-то незаметно Женя стала старожилом областного семинара, чаще других публиковалась в альманахе юных литераторов «Росток», региональных и столичных издательствах.

Наступил день, когда она познакомила нас со своими первыми рассказами. Писатель Владислав Лецик, прочитав их, со свойственной ему категоричностью проворчал в бороду: «А, пожалуй, проза у Бутовой даже покрепче стихов будет».

Фразу нельзя воспринимать однозначно, перетоки творческого взгляда на мир из одного жанра в другой не всегда бывают равно удачны. Но ведь смогли же когда-то это сделать и Пушкин, и Лермонтов, и Бунин. А Женя держит равнение именно на эти горние вершины. Чистота стиля, тщательный отбор словесного материала отличают первые рассказы Бутовой, делая их цельными произведениями искус-

ства. Пригодилась здесь и ее склонность к философичности, которая в стихах бросается в глаза гораздо острее, в прозе же рассудительность буквально растворена в ткани повествования, разлита в слоге, в характерах и поступках героев рассказов.

Логичным выглядел опыт попробовать силы в драматургии, но здесь дальше пробы пока не пошло. Однако кто знает, что ждет нас впереди?

Как же быстротечно время! Теперь Евгения Бутова — студентка Амурского государственного университета, изучает основы и глубины психологии, лирика ее постепенно трансформируется, сердечные волнения зовут к перу повзрослевшую девушку. Очень сложный момент! Обаяние детскости уступает место требовательности маячащей на горизонте ранней зрелости и усомняющейся в идеалах взрослости. Скидок на возраст читатель не станет делать, ему подавай мастерство и оригинальность. Отсюда и неизбежные проблемы роста, которые в одном из своих поздних стихотворений Евгения обозначила такими двумя строфами:

Хлещет дождь по лицу. Непогода.

Ты идешь, не зная куда.

Твое счастье — твоя свобода,

И дороги, и города.

Снова даль за спиной тает

В этой серой осенней мгле,

И в глазах огонек мерцает,

Освещающая дорогу тебе ...

Буквально каждая строка здесь — метафора, требующая расшифровки, зовущая к соразмышлению и сопереживанию. Не хрестоматийное сердце Данко, но именно собственный «в глазах огонек» пробивает осеннюю мглу, нащупывая дорогу в нелегком самостоятельном пути из спокойной деревушки к неведомым городам, помогает торить жизненную стезю.

Волнение за судьбу юного человека сжимает горло, но девушка сама и успокаивает читателя, угадывая его расположение и тревогу: «Характер мой всегда стальной, / С ним сладить нелегко!»

А кто сказал, что не сильные духом творят литературу и саму жизнь?

И вот уже на подходе новая книжка. Название Евгения нашла неординарное — «Озябшие цветы». Есть у нее и стихотворение под таким заголовком. Что за доминанта звучит в миниатюре? Вчитайтесь:

В саду моем озябшие цветы
О лете уходящем тосковали.
Исполненные в ритме красоты,
То согревались днем, то замерзали.
Лил дождь, и небо все заволгло.
Повеяло враждебно холодами.
А лето торопливо так ушло,
Не попрощавшись с блеклыми цветами.

Мало кто догадывается в такие годы о том, что «ритм красоты» как раз и есть то состояние, когда из жары порой бросает прямо в холод. Но именно это и придает написанному объемность, создает перспективу, проникающую в глубь полотна — живописного ли, словесного ли.

Итак, теперь дело за тобой, вдумчивый читатель. Можешь не соглашаться со мной в оценках и эпитетах, дело твое, найди на сей случай свои, в чужих очках тексты воспринимаются иначе, так кто-то сказал из французских острословов, а может быть и сам Эзоп изрек до них эту мысль.

Но я завидую тем, кто станет читать Евгению Бутову впервые. Это как черемухой дышать после межсезонья, разделяющего зиму и весну.

Дышите воздухом русской поэзии.

Фразу нельзя воспринимать однозначно, переставляя слова. Вспомните, как это было в начале 1930-х годов, когда в журнале «Искусство» вышла статья о поэзии Бунина. А «Искусство» — журнал был. С тех пор это слово стало синонимом поэзии. И вот теперь, делая их центральными произведениями